

УДК 130.2

Ментальность и реальность

Лепихова Ирина Владимировна

Аспирант,

Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. А.И. Литовчина,
119180, Российская Федерация, Москва, Бродников пер., 3;
e-mail: a-editor@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются особенности ментальности русского народа. Национальный язык рассматривается как механизм выражения образов и структур ментальности. Результатом проведенного исследования является выявление факторов, оказавших влияние на формирование русской ментальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Лепихова И.В. Ментальность и реальность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 6. – С. 41-57.

Ключевые слова

Ментальность, менталитет, отражение реальности, национальное мировоззрение, картина мира, концепты.

Введение

Важнейшим вопросом, относящимся к сути менталитета, является принцип отражения в этническом сознании элементов реальности; именно эти принципы отбора и отражения элементов окружающего мира и отличают ментальности между собой. М.К. Голованивская определяет суть ментальности следующим образом: это «своего рода игра в ассоциации, устанавливающая

между базовыми понятиями для этноса связи, нетривиальные с точки зрения другого этноса» [Голованивская, 2009, 40]. С.В. Лурье указывал, что поле любой культуры лишь ее носителям кажется целостным и логически связанным; наблюдатель из иной культуры увидит в нем лакуны и пустоты, не заполненные смыслами [Лурье, 1997, 223]. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что ментальность является общефилософской категорией, сопряженной с такими когнитивно-культурологическими понятиями, как «познание», «духовность», «менталитет» и «концепт» [Алефиренко, 2011, 21].

А. Эйнштейн также говорил об избирательности и схематичности в создании человеком картины мира: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной... На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн, 1967, 136]. Такое объяснение видится нам принципиально важным при исследовании ментальности как особым образом структурированной, традиционной, наследуемой и эволюционирующей картины мира. Хотя А. Эйнштейн говорит преимущественно о научной картине мира, для ментальности как принципа отбора явлений реальности характерны и простота, и ясность, и уверенность в ценностной системе, которой всегда не хватает человеку.

Язык и структура ментальности

Одним из важных замечаний по сути данного вопроса является признание внелогического характера ментальности как принципа отбора элементов реальности. Э.М. Думнова пишет: «Ментальность отражает тот пласт общественного и индивидуального сознания, в котором фактически отсутствуют систематизация, рефлексия и саморефлексия» [Думнова, 2013, 27]. Ментальность находится, таким образом, на уровне коллективных, неосознаваемых констант культуры: традиций, верований, аксиологической системы. Для ментальности

свойствен синкретизм, нерасчлененность мысли (образа, идеи), чувства (эмоции) и действия (алгоритма). На более поздних стадиях социального развития ментальность получает более цельное выражение в виде характерных для того или иного этноса теорий, концепций, идеологических систем и явлений культуры.

Одним из наиболее исследованных механизмов последовательного выражения образов и структур ментальности стал язык (хотя для исследований особенности ментальности используются и народные приметы [Махлаев, 1996, 244-251], и другие объекты культурного наследия). Лингвокультурология имеет в своем арсенале сегодня наиболее последовательные исследования выражения национального характера и аксиологической системы во внешних знаках культуры.

Важнейшие знаки ментальной структуризации мира лингвисты находят и в синтаксисе, и в грамматике, и в лексической системе языка. Немаловажно понятия «внутренней формы» слова, то есть его имплицитно понимаемой этимологии. Г.Д. Гачев замечает, что «уже в повседневной речи мы разговариваем на языке сверхценностей, использует философские идеи и принципы, но не осознаем того, употребляя их бессознательно» [Гачев, 2008, 9]. Так, произнося слово *судьба*, русский человек актуализирует внутреннюю связь этого образа жизненного пути с концептами *суда*, *судьи*, *осуждения*, в то время как, например, соотносимый французский концепт *fortune* связан с именем богини Фортуны, символа удачи и процветания¹. А. Вежбицкая, начавшая в XX веке международный разговор о лингвистических признаках русского менталитета, обозначила его через три «безэквивалентных» лексемы: *душа*, *судьба* и *тоска* [Wierzbicka, 1990, 13-32].

А.А. Мельникова, развивая теорию языковой относительности Сепира-Уорфа, утверждает, что при усвоении языка у ребенка «формируется фильтрующая сетка, заставляющая воспринимать мир в определенных категориях» [Мельникова, 2003, 109]. Считаем необходимым добавить: не только язык служит такого рода «сеткой». Образцы структуры информации ребенку дают с

1 Более подробно о соотношениях концептов русского и французского языков можно прочесть в [Голованивская, 2009].

самого детства самые различные явления и проявления культуры, как вербальные, так и невербальные, такие как сфера семейной жизни и взаимоотношений, типы одежды/пеленания ребенка, получаемая им аудиовизуальная информация и прочее. «Фильтрующая сетка» культуры, передающая и создающая ментальные установки, многомерна и передается по разным каналам.

Ментальность, таким образом, является своего рода линзой, фильтром, «сеткой координат» (Г.Д. Гачев), с помощью которого народ видит («улавливает», «захватывает») мир. И во многом этот способ видения мира нам предписан; как писал Б. Уорф, «мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [цит. по: Мельникова, 2003, 109], соглашения, имеющего силу именно для нашего коллектива.

Систему отношений между реальностью и сознанием, выстроенную в ментальности, можно подразделить на три важнейших области: картина мира (система представлений о мире), стиль мышления (система структурирования и оценивания мира), кодекс поведения (система поведенческих реакций на предлагаемые обстоятельства). А.Я. Гуревич писал: «Содержание менталитета представляет собой некоторый сложившейся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества. Именно картина мира, включающая в себя, в частности, представления о личности и ее отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории, о ценностях времени, о соотношении старого и нового (картина мира, в принципе, неисчерпаема), эта картина мира, унаследованная от предыдущих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения» [цит. по: Агапова, 2009, 144].

Ментальность русского народа

Ментальность русского народа находится на пересечении нескольких понятийных областей. Во-первых, неравновелики понятия русской и российской ментальности: так, по мнению польской исследовательницы М. Надель-

Червинской, «понятие *русская ментальность* охватывает сегодня объективно гораздо более широкое географическое пространство, чем понятие *ментальность российская*, территориально ограниченная площадью одного государства» [Надель-Червинская, 2008, 74-75]. Во-вторых, русская ментальность определяется по сути через *великорусскую* этническую идентичность, что вступает в противоречие со множеством национальных слагаемых русской нации и российского государства. Однако в нашем исследовании мы будем говорить преимущественно о *русской* ментальности, особенно ее облике в 1990-е. *Российская* ментальность является понятием скорее политико-географическим, нежели культурологическим. Этнические русские составляют 82% всех россиян [Сергеева, 2006, 8]. Русские, как принято считать, – *суперэтнос*, то есть основа населения государства, чьи язык и культура оказали решающее влияние на культуру малых народностей России. По справедливому замечанию А.В. Сергеевой, «отдельный человек может гордиться тем, что он «казак», «башкир» или «еврей» в пределах России, но за ее пределами всех *россиян* ... по традиции называют (независимо от происхождения) *русскими*» [Сергеева, 2006, 8].

Г.Д. Гачев, исследуя особенности отражения реальности в русском национальном мировоззрении, охарактеризовал ее по системе бинарных оппозиций. Так, для русских принципиально важнее *пространство* (путь, даль), чем *время*, в то время как для американцев «время – деньги»; важнее *горизонтальные* координаты, чем *вертикальные*; принципиально важные концепты Родины, Волги, Москвы, страны, столицы, судьбы и пр. имеют *женский*, а не *мужской* грамматический род; глубже *растительная*, а не *животная* символика (можно вспомнить принципы параллелизма в русских песнях) [Гачев, 2008, 19-22]. С.В. Гринева приходит к выводу, что основой российской действительности (и ведущей особенностью менталитета) является разрыв между общим и частным, внутренним и публичным [Гринева, 2003, 33-34].

Особенности формирования и черты русского национального характера описывали с различных позиций А.П. Щапов, В.О. Ключевский, С. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский и многие другие мыслители. Более шести тысяч интернет-страниц посвящены этой теме [Летаева, 2006, 234].

Конечно, подробно описать комплекс мировоззрения и миропонимания, аксиологии и стереотипов поведения, обозначаемый понятиями русский менталитет (национальный характер), весьма непросто. Охарактеризуем особенности русской ментальности, как способа видения мира, в том объеме, который необходим для целей нашего исследования.

Как правило, черты ментальности связывают с особенностями условий, в которых формировалась или долгие годы существовала нация. Важнейшими из этих условий являются климатические и географические факторы, способствовавшие формированию русского характера и психологии. Прежде всего, это огромные расстояния, разнообразие климатов и часовых поясов, обилие разноязычных народов в одной области проживания. Г.Д. Гачев говорит об архетипичности равнин для образа русского космоса: «Природа как бы отказала ей в вертикали бытия» [Гачев, 2008, 29, 35]. По точному замечанию М.К. Голованивской, «Географические факторы протяженности непреодолимых гор и рек, климатической суровости как на севере, так и на юге, все в сумме создающие среду непреодолимости, очевидно, первоначально задали людям, говорящим по-русски, слабую надежду быть услышанными, а также замеченными на фоне огромностей просторов и ландшафта» [Голованивская, 2009, 67-68], отсюда и пошел образ *маленького человека*, уязвимого перед государством и силами судьбы. Немаловажно отметить, что в традиционном русском законодательстве не было понятия «частного лица»: так, в Уголовном указе 1649 г. нет признания ценности человеческой личности как таковой: все объекты права характеризуются в соответствии с родом занятий и местом в государственной иерархии. И если в Европе к концу XVIII в. формируется ментальность *свободного человека*, то Русь остается преимущественно крестьянской/служилой, то есть зависимой, вплоть до отмены крепостного права².

Несмотря на обширность русских пространств, у русских не размыто понятие патриотизма; однако, в отличие от, например, французов или американцев, русские не столько считают свою страну «столицей мира», сколько кровно, душевно, духовно привязаны к ней (именно это качество объясняет болезненную ностальгию как отличительную черту русской эмиграции). Па-

2 См. подробный анализ в [Соколов, Черносивитов, 2007].

триотизм русского человека – далеко не только «результат осознания величиих достижений своей родины» [Сергеева, 2006, 16]; это принципиально иная категория, в рамках которой родину любят без объяснений, органично и скорее «вопреки», чем «за что»: «патриотизм здесь – живая пуповинная связь» [Гачев, 2008, 25].

Роль общинности в формировании русской ментальности

Доминантой характера русского человека, принужденного выживать в самых сложных порой условиях, стала выдержанность и стремление жить общиной, что связано и с идеей самопожертвования ради общего блага. В советское время идея общинности обрела причудливую форму коммунальных квартир, ставших пародиями на идеалы коммуны, но вместе с тем и ставшие для народа очередной школой терпимости и уживчивости. В начале XXI в. на жителя России приходится 18,9 м² жилья (данные 2001 г.) [Сергеева, 2006, 40], что является государственной нормой, однако по международным стандартам представляет собой мизерное число.

Вместе с тем общинность и суровость климата, тяжелый сезонный труд привели к возникновению традиций многодневных веселых праздников, непосредственному, эмоциональному, тактильному, очень открытому общению. Среди специфических жанров такого общения – анекдот (особенно развившийся в советской культуре, как вариант «побега» от цензурных условностей); другим характерным речевым жанром является откровенный *дорожный рассказ*, связывающий случайных попутчиков в многокилометровых путешествиях, к примеру, на железной дороге.

Общение в русской компании предполагает разные степени близости, которые можно распределить по шкале *незнакомый – знакомый – сосед – товарищ (приятель, сослуживец) – друг*. Понятие *дружбы* в русском сознании также отличается от европейского: она подразумевает тесное, максимально открытое общение, исповедальность, отсутствие секретов и взаимную поддержку. А.В. Сергеева высказывает мысль о том, что дружба на протяжении тяжелых эпох российской истории спасала психическое здоровье россиян: друг «как бы

выполняет роль психоаналитика, не давая человеку замкнуться в одиночестве» [Сергеева, 2006, 90].

Хотя под общинностью и соборностью понимается обычно существование в широкой социальной группе, русская семья также является своего рода патриархальной общиной и сочетает, как правило, несколько поколений родственников. В современной Европе принят поздний, часто гражданский, брак (так, в шведском языке есть специальные слова для обозначения гражданских супругов); *семьей* называются только живущие вместе супруги и их дети. В России до революции было обязательно венчание, а в советское время – гражданская регистрация брака; совместное проживание практикуется довольно широко, особенно в студенческой среде, но оно не имеет статуса семьи (и в широком социальном смысле осуждается как «неправильные отношения», не соответствующие традиционным нормам крепкой и единой семьи; ср. разницу понятий *любовь* и *секс*).

Также одним из стереотипов семейного поведения русских является гиперболизированная опека детей, забота об их благополучии; в то же время тесные связи между поколениями приводят к отказу русских от идеи отдавать родственников в дома престарелых, что является довольно распространенной практикой на Западе. Таким образом, патриархальная традиционная семья, обеспечивавшая выживание русской нации в течение столетий, сохранила свое влияние и на современный русский быт.

Другая сторона общинности – специфическое отношение русских к личному пространству, праву на личную жизнь и т.д. Традиции общинного, соборного житья сделали русских очень уязвимыми к тому, что подумают окружающие, и наделили общество правом на осуждение личности, которая нарушает неписанные правила (не уступает место в общественном транспорте, не здоровается с соседями, «тянет» время в очереди, разговаривает в кинотеатре, сплетничает и пр.). Вместе с тем допустимы такие традиционные занятия, как показывание семейных фотографий, довольно быстрый переход на «ты», просьба разуться в гостях, разговор за едой, откровенные вопросы – все это считалось бы странным в большинстве европейских стран. Откровенность в серьезном разговоре ценится куда больше, чем красноречие «ни о чем», и по-

тому русские, как правило, не сильны в традиционных европейских формах «изящного» общения: комплиментах, галантности, знаках внимания, пышной благодарности, изящном разговоре о пустяках. Вместе с тем для русских не являются запретными или нежелательными такие темы, как политика, смысл жизни, будущее России, здоровье, финансы, дети.

Православие как фактор формирования ментальности

Другим важнейшим фактором формирования ментальности является православное христианство, являющееся идеологией духовной жизни русских людей на протяжении более чем тысячи лет. Именно в православной традиции (в этом она отличается и от католичества, и от протестантизма) был порожден особый культ страдания и покаяния, доброты и смирения. «В рамках ... системы *представлений о счастье*, как это ни парадоксально, важнейшее значение имеет *компонент страдания*» [Сергеева, 2006, 23]. В отличие от католицизма с его возможностью денежного искупления грехов и от протестантизма с его ориентацией на успешность, православие предполагает культ страдательности, свойственной для духовного развития. Отсюда и особое отношение к людям безденежным (бессребреникам, потенциальным праведникам), больным и страждущим (потенциальным юродивым) и пр. О роковом участии судьбы в жизни русскому человеку напоминает поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». В русской традиции даже посторонний человек предложит страдающему помощь, еду, проявляя сочувствие. Эта тематика особенно полно и показательно раскрыта в произведениях Ф.М. Достоевского, отразивших многие весьма важные моменты русского мировосприятия.

Среди других особенностей ментальности, связанных с христианизацией Руси, – опора на веру, а не разум (иррациональность), смирение и терпимость (в том числе по отношению к насилию в личной или социальной жизни, со стороны государства), а также глубинно заложенная вера в невозможность социальной справедливости (невозможность на земле Царства Божия). Освещающая образ Божественного в русской традиции, Г.Д. Гачев замечает, что исход

Святого Духа только от Отца является символом традиционности, силы старого порядка, а абстрактная Троица перерождается в народных духовных стихах в Богородицу, Богоматерь, образ которой сливается с древним образом Матери-земли [Гачев, 2008, 22-23].

Ориентация на ценности высшего порядка, отказ от прагматизма остаются на протяжении столетий приоритетом в русской ментальности. «В основе русского мифа лежит идея противостояния быту» [Фетисова, 2005, 158], – в том смысле, что высшими ценностями признаются ценности внекорыстные, внебытовые, духовного порядка.

Одним из проявлений именно этого направления мысли стало появление в русском языке слова *интеллигент*, которое, в отличие от слова *интеллектуал*, означает прежде всего не ум/эрудицию, а мудрость/духовность, понимаемую как признак отдельного социального класса. Также до сих пор о доме русского человека судят по книжным шкафам, а о его образованности и уме – по количеству прочитанного.

К этой же группе ценностей относится и совесть, признаваемая как высший внутренний духовный судия. Чистая совесть как голос Бога, как отсутствие вины есть одно из условий достижения счастливого состояния. Однако в иерархии приятных состояний в русской традиции более почетным оказывается не столько *счастье* (восходящее к *части*, то есть представляющее собой наделенность чем-то, достаток), сколько *блаженство* (от *благо*). Русскому, в отличие от человека европейской и американской «протестантской» ментальности, не зазорно быть несчастливым и признаваться в этом. По результатам одного опроса, 42% русских признают себя несчастливыми (ср. 1% среди англичан и 0% у американцев) [Джидарьян, 1996, 44]; американская поведенческая максима *keep smiling* в России имеет фразеологические антонимы типа «Смешно дураку, что уши на боку».

Специфически русской и непривычной для Европы является и такая «бескорыстная» форма денежных отношений, как брать деньги взаймы, восходящая к ситуации советской банковской системы, когда взять кредит было невозможно, а у состоятельных людей деньги часто хранились дома [Сергеева, 2006, 89]. К таким же привычным для русских вещам относится обычай

одалживать хлеб, соль, машину, пускать друзей пожить в свое пустующее жилище.

Немаловажным следствием мессианского восприятия России как носителя истинной веры, как «Третьего Рима», стала такая черта русской ментальности, как ощущение своей уникальности и исключительности. «Особенный путь» России – это не только совокупность интеллектуальных концепций, но и внутреннее ощущение ее народа. Можно с уверенностью утверждать, что до сих пор при определении приоритетов развития страны как на государственном уровне, так и в «кухонном» разговоре важнее для собеседников будет определение роли и особого пути России, а не социальные гарантии для ее населения. Вместе с тем *терпимость*, свойственная русскому менталитету, проявилась и в веротерпимости: даже во времена средневековой борьбы с ересями на Руси не было специальных органов инквизиции и страшных кар.

Влияние «монгольского» периода на формирование русского национального характера

Следующим весьма примечательным фактором формирования национального характера и психологии является 300-летнее «хождение под Ордой», или татаро-монгольское иго. К.Б. Соколов и П.Ю. Черносвитов замечают важную особенность столкновения с Востоком: если столкновение Западной Европы с арабской культурой активизировало темпы ее роста, то завоеватели Руси монголы не способствовали поступательному развитию ее культуры [Соколов, Черносвитов, 2007, 701]. Вероятно, именно в этот период русская ментальность восприняла часть характерных черт ментальности монголов, оказавшихся в чем-то близких нашему национальному самосознанию.

Так, у монголов верили во врожденный характер человеческих достоинств и недостатков. В русской традиции вера в наследственность такого типа отражена и в пословице «яблоко от яблони недалеко падает», и в логике сталинских репрессий.

Именно в монгольский период закрепилось понятие о низкой цене человеческой жизни: были, в частности, введены смертные казни и различ-

ные суровые телесные наказания. Впоследствии это отношение было закреплено в институте крепостного права, достигшего законодательного предела в XVIII в.; в более поздней истории оно коррелирует с образом маленького человека (прежде всего перед лицом государства), свойственным для русской литературы. В противовес маленькому человеку в истории (и менталитете) выражен образ громадной государственной вертикали; по остроумному замечанию Г.Д. Гачева, «как бы в компенсацию за это отсутствие *<гор>*, в России в ходе истории выстроилась искусственная гора гигантского Государства с его громоздком, многоэтажным аппаратом» [Гачев, 2008, 35]. Абсолютная монархия Московской Руси складывалась по образцу структуры Золотой Орды, «каковая по структуре управления сама является типичной восточной деспотией, т.е. абсолютной монархией» [Соколов, Черносивитов, 2007, 706], и менталитет восточной деспотии во многом наследуется русским человеком в его общении с государством.

Другой важной чертой менталитета монголов была обязательная взаимопомощь, особенно в бою. Она стала характерной чертой отечественной военной науки, отраженной в максиме «Сам погибай, а товарища выручай».

Наконец, в монгольском менталитете укоренена обязательность гостеприимства, ставшая характерной и для русских. Гостеприимство обрело самые лучшие коннотации, как и его синонимы *радушие*, *хлебосольство*. Столетиями максима «Мой дом – моя крепость» была для русских несправедливой; ей противопоставлялось понятие «забежать на огонек» (т.е. без приглашения; выражение связано с радостным обретением «живого» огня на огромных пространствах русских дорог при традиционных видах путешествий), калитки в деревнях не закрывались на засов. Только сложные 1990-е, а также последние глобализационные веяния вносят перемены в эту особенность менталитета.

Заключение

Черты степной, кочевой монгольской ментальности (общая интуитивность, общинность, бескорыстие, веротерпимость) во многом соответствовали установкам русского характера, так как и сельская ментальность русских

противостоит городскому/буржуазному типу менталитета, ориентированному на денежный достаток, индивидуализацию и личный успех. В этом русле лежало и такое важное обстоятельство формирования ментальности, как идеология коммунизма/социализма: в нем есть свойственная для христианства иррациональность, а также привычные для русского ориентира на бескорыстие, отрицание индивидуализма, совместное служение общему делу, готовность жертвовать собой ради будущего (детей) и т.д. Национальное мировоззрение русских может характеризоваться как «целостное последовательное мировоззрение созерцательного типа, мировоззрение, распахивающее индивида в мир, впускающего его в себя как соавтора своего бытия, но не его хозяина» [Голованивская, 2009, 74]. Общинность, бескорыстие, гостеприимство и другие черты сельской, небуржуазной ментальности и сегодня отличают русского человека, хотя 90% населения России и живет в городах.

Итоговой важной чертой русской ментальности может быть названа амбивалентность. Широта русских пространств и русской души, переменчивость и суровость климата, доброта и озлобленность, покорная психология и анархизм, тоска и неумное веселье, западная вера в прогресс и восточная медитативность составляют органичные части русского национального характера и диалектически сочетаются в нем.

Библиография

1. Агапова Т.В. Ментальность как особый текст сознания в культуре // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2009. – № 6. – С. 144-147.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 1. – С. 20-39.
3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
4. Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка: Некоторые мировоззренческие концепты французов и русских. – М: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.

5. Гринева С.В. Менталитет и ментальность в современной России. – Невинномысск: Невинномысский ТИ, 2003. – 177 с.
6. Джидарьян И.А. Проблема счастья в русском менталитете // Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. – М.: РАН, 1996. – С. 34-48.
7. Думнова Э.М. «Менталитет» и «ментальность» как категории социальной философии // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Вып. 1. – С. 25-29.
8. Летаева Л.А. Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 233-239.
9. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
10. Махлаев А.В. Орусскомнациональномхарактере//Социально-политический журнал. – 1996. – № 4. – С. 241-251.
11. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
12. Надель-Червинская М. Русская ментальность и ментальность российская: сопоставление объемов семантического поля «новая лексика» // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2 (25). – С. 74-83.
13. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 320 с.
14. Соколов К.Б., Черносветов П.Ю. Европа и Россия: ментальность и художественная культура. Сравнительно-исторический анализ. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 720 с.
15. Фетисова Т.А. С. Бойм. Общие места: мифология повседневной жизни // Культурология. – 2005. – № 2. – С. 157-164.
16. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – М.: Наука, 1967. – Т. 2. – 879 с.
17. Wierzbicka A. Dusha (soul), toska (yearning), sud'ba (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie jezikow stowianskich. – Bialystok, 1990. – Pp. 13-36.

Mentality and reality

Irina V. Lepikhova

Postgraduate student,
Humanities Institute of TV & Radio Broadcasting named after M.A. Litovchin,
119180, 3 Brodnikov lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a-editor@yandex.ru

Abstract

The article deals with the peculiarities of the mentality of Russian people. The author of the article points out that mentality as the principle of selection of the elements of reality is non-logical. The national language is considered to be the mechanism for expressing the images and structures of mentality. The article also reveals factors that have influenced the formation of Russian mentality. These factors include, but are not limited to the following: climatic and geographical features, patriotism, communalism, Orthodoxy, irrationality, obligatory mutual aid, belief in the uniqueness of Russian people. Communalism, unselfishness, hospitality and other features of rural, non-bourgeois mentality are still typical of Russian people, though 90% of the Russian population lives in towns and cities. The results of the conducted research show that ambivalence can be considered to be the most important feature of the Russian mentality. The wide spaces of the country and the generous Russian soul, changeable and severe weather conditions, kindness and spite, submission and anarchism, melancholy and revelry, the western belief in progress and the eastern love to meditation are parts of the Russian national character and are dialectically integrated into it.

For citation

Lepikhova, I.V. (2014) Mental'nost' i real'nost' [Mentality and reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 41-57 (In Russian).

Keywords

Mentality, way of thinking, reflection of reality, national world view, world view, concepts.

References

1. Agapova, T.V. (2009) Mental'nost' kak osobyi tekst soznaniya v kul'ture [Mentality as a special text of consciousness in culture]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University], 6, pp. 144-147.
2. Alefirenko, N.F. (2011) Lingvokul'tural'naya priroda mental'nosti [Linguocultural nature of mentality]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 1, pp. 20-39.
3. Dumnova, E.M. (2013) "Mentalitet" i "mental'nost'" kak kategorii sotsial'noi filosofii ["Mentality" and "way of thinking" as categories of social philosophy]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Proceedings of Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 1, pp. 25-29.
4. Dzhidar'yan, I.A. (1996) Problema schast'ya v russkom mentalitete [The problem of happiness in Russian mentality]. In: *Rossiiskii mentalitet: psikhologiya lichnosti, soznanie, sotsial'nye predstavleniya* [Russian mentality: personality psychology, consciousness, social conceptions]. Moscow: RAS, pp. 34-48.
5. Einstein, A. (1967) *Sobranie nauchnykh trudov* [Collected scientific works]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
6. Fetisova, T.A. (2005) S. Boim. Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoi zhizni [S. Boym. Commonplaces: the mythology of everyday life]. *Kul'turologiya* [Culturology], 2, pp. 157-164.
7. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of nations of the world]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
8. Golovanivskaya, M.K. (2009) *Mental'nost' v zerkale yazyka: Nekotorye mirovozzrencheskie kontsepty frantsuzov i russkikh* [Mentality in the mirror of language: Some worldview concepts of Frenchmen and Russian people]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
9. Grineva, S.V. (2003) *Mentalitet i mental'nost' v sovremennoi Rossii* [Mentality and the way of thinking in modern Russia]. Nevinnomyssk: Nevinnomysskii T I.

10. Letaeva, L.A. (2006) Russkaya mental'nost' i natsional'nyi kharakter v otechestvennoi i zarubezhnoi rusistike [Russian mentality and national character in the works of Russian and foreign scientists in Russian philology]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2, pp. 233-239.
11. Lur'e, S.V. (1997) *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow: Aspekt Press.
12. Makhlaev, A.V. (1996) O russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian national character]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal* [Social-political journal], 4, pp. 241-251.
13. Mel'nikova, A.A. (2003) *Yazyk i natsional'nyi kharakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti* [Language and national character. Interconnection between language structure and mentality]. St. Petersburg: Rech'.
14. Nadel-Czerwinska, M. (2008) Russkaya mental'nost' i mental'nost' rossiiskaya: sopostavlenie ob'yomov semanticheskogo polya "novaya leksika" [The mentality of Russian people and Russian mentality: comparison between the extensions of the semantic field "new vocabulary"]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2 (25), pp. 74-83.
15. Sergeeva, A.V. (2006) *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russian people: behavioural stereotypes, traditions, mentality]. Moscow: Flinta, Nauka.
16. Sokolov, K.B., Chernosvitov, P.Yu. (2007) *Evropa i Rossiya: mental'nost' i khudozhestvennaya kul'tura. Sravnitel'no-istoricheskii analiz* [Europe and Russia: mentality and artistic culture. Comparative-historical analysis]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Wierzbicka, A. (1990) Dusha (soul), toska (yearning), sud'ba (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture. In: *Metody formalne w opisie jezikow stowianskich*. Bialystok, pp. 13-36.